

ТРЕТИЙ ТУР, 9-10 класс

СПИСОК ТЕМ

1. Внешняя политика Древнерусского государства на рубеже X-XI вв. // *По посланию Бруно Кверфуртского к германскому королю Генриху II.*
2. Отношения князей с Великим Новгородом в XIII в. // *По Договорной Грамоте князя Ярослава Ярославича с Новгородом, 1270.*
3. Светская и церковная власть в Среднем Поволжье в сер. XVI в. // *По тарханно-несудимой грамоте царя Ивана IV архиепископу Казанскому и Свияжскому Герману, 24 августа 1565 г.*
4. Принципы взаимоотношений воеводской власти и ясачного населения в Сибири на рубеже XVI-XVII в. // *По отписке тобольского воеводы Семена Сабурова к пельмскому воеводе Тихону Траханиотову и письменному голове Петру Григорьевичу Вердеревскому.*
5. Азовские походы Петра I // *По казачьей песне о взятии Азова, нач. XVIII в.*
6. Ш.-Л. Монтескье о петровской России // *По сочинению Ш.-Л. Монтескье «О духе законов».*
7. Стратегия русской армии в Семилетней войне // *По книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для потомков».*
8. Заговор 1762 г. глазами Екатерины II // *По письму Екатерины II Станиславу Августу Понятовскому, 1762.*
9. Отражение политических взглядов Н.М. Карамзина в его литературном наследии // *По фрагменту из повести «Марфа-посадница, или покорение Новгорода», 1802.*
10. Внешняя политика Александра I в последние годы царствования и греческое восстание // *По письмам А. Ипсиланти и И. Каподистрии, 1821.*
11. Московский университет в середине XIX в. // *По «Запискам русского профессора от медицины» И.М. Сеченова.*
12. Общественные настроения в период Крымской войны // *По стихотворению Ф.Н. Глинки «Ура!».*
13. Настроения в правительственных кругах после Крымской войны // *По письму генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича наместнику на Кавказе князю А.И. Барятинскому, 24 июня 1857 г.*
14. «Второе» 1 марта глазами современников и участников // *По письму М.А. Ульяновой Александру III и Воспоминаниям А.И. Ульяновой.*
15. Политика Российской империи в Китае в конце XIX в. и проблемы строительства КВЖД // *По письму пограничного комиссара Амурской обл. полковника Генерального штаба Б.Л. Громбчевского на имя Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова, 1898 г.*
16. Настроения в России в начале Первой мировой войны // *По письмам Великой княгини Ольги Александровны племянницам Татьяне Николаевне и Марии Николаевне, 1914 г.*
17. Новая экономическая политика в оценках современников // *По книге Н.С. Хрущева «Время. Люди. Власть».*
18. Эвакуация и организация производства в Ульяновской обл. в начале Великой Отечественной войны // *По группе источников.*
19. Полет Юрия Гагарина в космос в восприятии современников // *По воспоминаниям советских людей.*
20. Политика гласности и деятельность КГБ в конце 1980-х гг. // *По письму Председателя КГБ В.М. Чебрикова в ЦК КПСС, 03.06.1988.*

1. Внешняя политика Древнерусского государства на рубеже X–XI вв.

Послание Бруно Кверфуртского к германскому королю Генриху II

Благочестивому мужу Церкви королю Генриху¹ Б[руно]², не более чем ничтожество, [желает] всего, что королю во славу и Господу всеведущему угодно.

[Когда Бруно пребывал в стране венгров, брат короля, епископ Бруно, сообщил автору, что король помнит и печется о нем. В ответ Бруно Кверфуртский намерен дать королю отчет в своих миссионерских делах.] Верно, уже целый год исполнился месяцами и днями с тех пор, как мы покинули венгров, где понапрасну провели много времени, и направились к печенегам, жесточайшим из всех язычников. Государь Руси, великий державой и богатствами, в течение месяца удерживал меня против [моей] воли, как будто я по собственному почину хотел погубить себя, и постоянно убеждал меня не ходить к столь безумному народу, у которого, по его словам, я не обрел бы новых душ, а одну только смерть, да и то постыднейшую. Когда же он не в силах был уже [удерживать меня] и утрачен неким видением обо мне, недостойном, то два дня провожал меня с войском до крайних пределов своей державы, которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой. Спрыгнув с коня, он последовал за мной, шедшим впереди с товарищами, и вместе со своими лучшими мужами вышел за ворота. Он стоял на одном холме, мы — на другом. Обняв крест, который нес в руках, я возгласил честной гимн: «Петре, любишь ли Меня? Паси агнцы моя!»³. По окончании респонсория⁴ государь прислал к нам [одного из] своих лучших мужей с такими словами: «Я проводил тебя [до места], где кончается моя земля и начинается вражеская. Именем Господа прошу тебя, не губи к моему позору своей молодой жизни, ибо знаю, что завтра до третьего часа суждено тебе без пользы, без вины вкусить горечь смерти». Я отвечал: «Пусть Господь откроет тебе [врата] рая так же, как ты открыл нам путь к язычникам!».

Что же? Два дня шли мы беспрепятственно, на третий, в пятницу, трижды — утром, в полдень и в девятом часу — все мы со склоненными выями влекомы были на казнь, но столько же раз по чудесному знамению — такова была воля Господа и водителя нашего Петра — невредимы ускользали от встретившихся нам врагов. В воскресенье, когда мы добрались до мест более обитаемых, нас оставили в живых до срока, пока весь народ по зову гонцов не соберется на сходку. Итак, в девятом часу следующего воскресного дня нас зовут на сходку, бичуя, словно лошадей. Сбежалась бесчисленная толпа. С налитыми кровью глазами, они подняли страшный крик. Тысячи обнаженных мечей и тысячи топоров над нашими головами грозили изрубить нас на куски. До ночи терзали нас, волоча в разные стороны, пока нас не вырвали из их рук старейшины [той] земли, которые, будучи рассудительны, услышав наши речи, поняли, что мы с добром явились в их землю. Как то было угодно неисповедимому Господу и честнейшему Петру, пять месяцев провели мы среди этого народа, обойдя три его части, не заходя в четвертую, из которой к нам прибыли послы от лучших людей. Обратив в христианство примерно тридцать душ, мы, по манию Божию, устроили мир, который, по их словам, никто кроме нас не смог бы устроить. «Сей мир, — говорили они, — тобой устроен. Если он будет прочен, то все мы, как ты учишь, охотно станем христианами. Если же государь Руси изменит уговору, нам придется думать только о войне, а не о христианстве». С тем я и прибыл к государю Руси, который ради Божьего [дела] одобрил это, отдав в заложники сына. Мы же посветили в епископа [одного] из наших, которого он затем вместе с сыном поместил в середине земли [печенегов]. И установился, к вящей славе Господа, Спасителя нашего, христианский закон среди наихудших и жесточайших из всех обитающих на земле язычников.

¹ Генрих II, германский король (1002–1024), император Священной Римской империи (с 1014).

² Бруно (ок. 975 — 1009; в монашестве Бонифаций), архиепископ Кверфуртский, церковный писатель, выдающийся миссионер, почитаемый в Западной Церкви как мученик. Содержащаяся в начале письма буква «Б» может быть начальной буквой как мирского, так и монашеского имени автора.

³ Слова, сказанные Христом апостолу Петру и указывавшие на его особое место среди апостолов (Евангелие от Иоанна, глава 21, стихи 15–17).

⁴ В западной традиции: песнопение, состоящее из стихов библейского или другого церковного текста, исполняемого солистом, и рефрена, который поет хор или община.

2. Отношения князей с Великим Новгородом в XIII веке.

Договорная грамота князя Ярослава Ярославича с Новгородом, 1270.

Благословение от владыки, поклон от посадника Павше, и от всех старейших, и от всех меньших, и от всего Новгорода, к господину князю Ярославу. На семь, княже, целуй крест к всему Новгороду; на цемь⁵ то целовали деди и отец твой Ярослав. Новгород ти⁶ держати в старине по пошлине. Что волостей всех Новгородских, тех волостей, княже, не держати ти своими мужи, нъ держати мужи новгородскими; а дар, княже, тебе имати от тех волостей. А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамот ти даяти: а кому волости роздаял Дмитрий⁷ с новгородци и Александр брат твой, тех волостей тебе без вины не лишати. А что ти, княже, пошло на Торожку и на Волоче, тивун свой държати на своей чясти; а Новгородець на своей чясти. А в Бежичях тебе, княже, ни твоей княгыни, ни твоим бояром, ни твоим слугам сел не держати, ни купити, ни даром приимати, и по всей волости Новгородской.

А се, княже, волости Новгородские: Волок с всеми волостьми, Торжек, Бежиче, Заволочье, Перемь, Югра, Вологда... А в Русу ти, княже, ездити на третиюю зиму; а лете, княже, ездити на Озвадо⁸ звери гонит. А в Ладогу, княже, слати, осетръник и медовара, по грамоте отца своего Ярослава; а ту грамоту, княже, отъял еси, а та грамота, княже, дати ти назад; а в Ладогу, княже, ездити на третиее лето. А из Бежиць, княже, людей не выводити в свою волость, ни из иной волости Новгородской; ни грамот им даяти, ни закладников приимати, ни твоей княгыни, ни бояром твоим, ни слугам твоим ни смерда, ни купцины.

А без вины ти, княже, мужа без вины не лишати волости, а грамот ти не посужати. А позже⁹, княже, что твое и твоих мужъ пошло, то твое и твоих муж; а что был отъял брат твой Александр позже, то ти нена-добе. А что, княже, грамоты посудил еси¹⁰ отца своего и брата своего, а свое грамоты подавал еси на те грамоты; ты грамоты отымати, а старые оправливати¹¹.

А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новгороде, того ти ся отступити. А дворяном твоим, како пошло, погон¹² имати от князя по 5 кун, а от тивуна по 2 куне. А что, княже, мыт по Суждальской земли, и в твоей волости, от воза имати по 2 векши¹³, и от людье, и от хмелна коробка и от лняна. А свобод¹⁴ ти, ни мыт¹⁵ на Новгородской волости не ставити; а на Имоволозьском погосте куны ти имати и на Важанском... А холоп или роба почнетъ вадити¹⁶ на господу, тому ти веры не яти. А на Низу¹⁷, княже, новгородца не судити, ни даний ти раздавати. А что, княже, тебе было гнева на посадника и на весь Новгород; то ни княже, все нелюбье отложити, и от мала и от велика не мщати ти ни судом, ни чим же: а кто почнетъ вадити к тебе, тому ти веры не яти. А про послы, княже, про купче новгородские, что в Костроме и по иным городом, то исправив, пусти в Новгород с товаром. А в Немецком дворе тебе торговати нашею братиею, а двора ти не затваряги, а приставов ти не приставливати.

А про полон, кто кде заточен, или человек, или конь русьский и новгородский, то исправи. А село святой Софии исправи к святой Софии. А до владыки отча нашего гнева ти не держати. На томъ, господине, на семь крест целуй к всему Новгороду. А гости нашему гостити по Суждальской земли, без рубежа, по цареви¹⁸ грамоте. А судье слати на Петров день, тако пошло. А вывода¹⁹ ти, княже, межи Суждальскою землею и Новымгородом не чинити. А что закладников за Гюргом²⁰ на Торожку, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, что купецъ, тот в сто²¹, а кто смерд, а тот потягнетъ в свой погост: тако пошло в Новгороде; отпусти всех процъ.

⁵ На том.

⁶ Тебе.

⁷ Посадник.

⁸ Урочище у Старой Руссы.

⁹ Покосы.

¹⁰ Отменил.

¹¹ Восстановить.

¹² Поверстная плата.

¹³ Белка.

¹⁴ Слобод, сельских поселений на льготе.

¹⁵ Речные пристани, место сбора торговых пошлин.

¹⁶ Жаловаться.

¹⁷ В Суздальском крае.

¹⁸ Ханской.

¹⁹ Вывод – переселение зависимого населения.

²⁰ Юрий Андреевич, племянник Ярослава Ярославича.

²¹ В свою купеческую сотню.

3. Светская и церковная власть в Среднем Поволжье в сер. XVI в.

Тарханно-несудимая грамота царя Ивана IV архиепископу Казанскому и Свяжскому Герману.

Се аз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, пожаловал есми богомолца своего, казанского и свияжского архиепископа Германа, или кто по нем иные архиепископы будут: что он присылал нам бити челом о том, что есми по своему приказу и по грамоте велели дати прежним своим бояром и воеводам князю Петру Шюйскому и всем воеводам в дом к Благовещенью пресвятыя Богородицы земли на пашню преж бывшему архиепископу казанскому и свияжскому Гурью. На две тысячи четьи пашни, селища трои Кабаны да Тарлаши, да селище Кадыш, да селцо Карайш. да селцо Карадулат на реке на Мёше, с деревнями, и с починки, и с пустошми, и с лесы, и с луги, и с озеры и с истоки, и с бортными ужожи, и с бобровыми гоны, и со всем по тому, как были те села изстари при царех казанских. Да в реке Волге рыбные ловли с острова и с озеры, на которых рыбные ловли, оприч сенных покосов, Казанского устья по обе стороны реки Волги, по Казанской стороне и по Свяжской, до реки до Камы, и с вешними полои около города, доколе вешняя вода стоит; да рыбная ж ловля от Казанского устья и черной песок по Чертышскую взголовь, от верхние взголови по нижнюю взголов; да в реке в Казани зимняя и летняя ловля и где похочет ездити. Да пожни на сено, меж Волги и Тереузика, от проток и покосов от кривые заводи и с верхние взголови от дуба, а на дубу грань по реку по Тереузик и Тереужское устье к Волге реке; да озеро Царево и с иными озерки, которые озера в ... Царева озера. Да ему ж есмя велели давати в дом пречистые Богородицы с Камского езу с зимние ловли тридцать рыб, пятнадцать лососей, да десять шевриг, да пять осетров.

Да место на Казани за Булаком на Кураише от острогу вверх по Булаку, на сто дворов крестьянских; да по ... огород у Проломных ворот, от острога, по татарским кладбищем, в подгорье вверх по Булаку, против Кураишева, да место на посаде у Николы чудотворца, за торгом, к Петру святому на дворовые люди. Да в городе к его к архиепископлю двору места прибавити по болшую улицу по Тезицкой двор, по первой переулоч.

И грамоту деи воеводы наши, князь Петр Шюйской и все воеводы, преж бывшему архиепископу Гурью на те пашенные селища и на селца и на рыбные ловли и на слобочки и на дворовые места дали, за своею печатью, лета 7063 году, а нашей де жалованной грамоты архиепископ Гурей на те казанские земли и на рыбные ловли и на слобочки и на дворовые места не имывал. И нам бы архиепискупа Германа пожаловати, велети ему на те пашенные земли, на две тысячи четьи, на села и на селища, и на рыбные ловли и на бортные ужожаи, и на всякия угодыя, и на волжские рыбные ловли, и на сенные покосы и на слобочки и на дворовые места, что им, по нашим грамотам, воеводы наши отвели, велети дати своя жалованная грамота. И яз царь и великий князь Иван Васильевич, богомолца своего, архиепискупа Германа, или кто по нем иные архиепискупы в Казани будут, пожаловал, на те села и селища, и на починки, и на пустоши, и на сенные покосы, и на рыбные ловли, и на бортные ужожи и на всякие угодыя, что им по нашим грамотам воеводы наши отделили и что к тем... и селищю исстари потягло, как было при царех, и на рыбные на волжские и на ... которые в воеводцкой же грамоте написаны, велели дати свою жалованную грамоту. И кто... у архиепискупа Германа на тех селищах на троих Кабанех и на Тарлаших, да в селце в Кадышеве, да в селце в Караше, да в селце в Карадулате, и на селищах, в починках, и на пустоших селитися и жити люди его и крестьяне, или Чюваши, и тем его людем не надобет моя царя и великого князя дать, ни ямские денги, ни примет, доколе те села и селища писцы наши опишют и в сошное письмо положат; и двора нашего те его люди не делают опричь городского дела.

А бояре наши и воеводы казанские тех его людей и крестьян и чюваш не судят ни в чем, опричь душегубства и розбоя и татбы с поличным; а ведает и судит те свои люди и крестьян и чюваш архиепископ Герман сам во всем, или кому прикажет; а случитца его людем и крестьяном и чювашем суд сместной с городцкими или с волостными людми, и бояре и воеводы наши и диаки тех людей судят, а архиепискуп боярин с ними ж судит; а прав ли будет или виноват архиепискуп, и он в правде и в вине архиепискупу. Також есмя архиепискупа Германа пожаловали: ловцом рыбным Казанского города и Свяжского, без архиепискупля ведома, которые воды за ним в сей грамоте писаны, в Волге и в Казане реке и в озерах и в истоках рыбы не ловити; а которые рыбные ловцы похотят в архиепискуплих водах рыбу ловить, и те люди докладывают архиепискупа Германа, а оброком рядятца у его дворетцкого, или кому архиепискуп прикажет; а кто учнет в тех водах без архиепискупля ведома в реках и в озерах и в истоках рыбу ловити и зверь гонити, и тех людей велит архиепискуп поимать с приставом и ставить перед нашими бояры и воеводами и перед дьяки; да которого в той промыте уличят, и воеводы наши и дьяки на тех людех велят заповеди правити, по нашему указу, да отсылают те заповеди к архиепискупу Герману. Дана грамота на Москве, лета 7073, Августа в 24 день.

4. Принципы взаимоотношений воеводской власти и ясачного населения в Сибири на рубеже XVI-XVII вв.

Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова к пельмскому воеводе Тихону Траханиотову и письменному голове Петру Григорьевичу Вердеревскому.

Господину Тихону Ивановичу да Петру Григорьевичу Семен Сабуров челом бьет. Нынешнего господине 7108 году генваря в 10 день писано ко мне в государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте пожаловал государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии для своего царского венца многолетново здавья и для сына своего государя нашего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии многолетнего здравья лесных людей на 7108 году ясаку с них соболей и куниц или сибирских бобров и белки имать не велети и государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жалованное слово сибирским князем и мурзам и тотаром и ясачным всяким людям велено сказати и по городом мне в сибирские города к воеводам и к головам велено о том отписать от себя. И вы б, господине, велели у себя быть пельмским юртовским тотаром и уездным сибирским князем и мурзам, и тотаром и из волостей лутчим людям по сколку человек пригож. А сами б есте были в съезжей избе в цветном платье и дети боярские и литва и казаки и стрельцы и в поры были при вас в цветном же платье и сказали б есте им государеву цареву жалованное слово, что государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии своим царским осмотреньем для своего царского величества и многолетнего здравья 7108 году февраля в 8 день и для сына своего государя нашего царевича князя Федора Борисовича всеа Русии многолетново здравия во всем своем государстве всяких людей пожаловали. А их всеа сибирские земли князей, и мурз, и тотар, и остяков, и вагулич, и всяких ясачных людей своим царским жалованьем пожаловал ясаку с них на 7108 год соболей, и куниц, и бобров, и белки, и горностаев и всякого ясаку, имати не велели, и велели им жити во льготе, чтоб сибирским людям ни в чем нужи не было.

И оне б сибирские князи, и мурзы, и татарове, и остяки, и вогуличи и всякие люди жили в царском жалованье во всем в облегченье, и в покое и в тишине безо всякого сумнения, и промышляли всякими промыслы, и торговали поволно, и великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии самодержцу и сыну его государю нашему царевичю князю Федору Борисовичю всеа Русии служили и прямили во всем по своей шерти, на чем великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии шерть дали, и над воры воровства и шатости и всяково лихово умышленья смотрели и берегли накрепко, и детей своих, и братью, и дядьи и племянников и друзей отовсюду призывали. И сказывать им царское жалованье, что государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии велел с них с остяков посулов и поминков не имати и продажи и насильства не чинили никоторыми делы. А хто учнет с них посулы и поминки и имати и вы б тех людей сыскав наказанье им чинили смотря по вине. А взятое отдавали назад. А буде мочно для каких государевых ясаков посылати и вы б розсылали по городкам и по волостям тутовских князков и служивых тотар кого пригож смотря по тамошнему делу. А будет есте господине с которых ясачных людей на нынешнем на 7108 году на государя ясак взяли и вы б господине тем ясачным людям на которых есте ясак взяли отдали ясак назад и пожаловали ясаку с них имат не велели и велели им жити безоброчно и в городех бы юрты и в уездех волости полнили б. А в которых будет людех почаят шатости и воровства и они б воров не укрывали и не таили и тех воров которых почаят шатость и воровство сказывали и имая приводили к вам. А хто на кого скажет на какое воровство ли и измену и сыщетца допряма и государь тех людей пожалует своим царским жалованьем и животы их и вотчины велит им отдавати. А хто на кого какую измену и воровство доведет, а сказав им государеву жалованное слово велели их накормити и напоити гораздо государевыми запасы и ясаку б есте со всех волостей на нынешней на 7108 год имати не велели. А как на них впредь ясак положити и вы б росмотря ко мне отписали как на сибирские волости впредь ясак положити по тому ж ли как ныне имали или с которых убавити. А на иные прибавити того б есте все горазд смотрели а к кому мочно вперед платити без нужи чтоб вперед стоятельно и прочно и без нужи было. А яз о том опишу к государю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии и жити б есте с великим береженьем и государевы делы промышляли смотря по тамошнему делу и государю во всем прибыли искали. И кого учнете в волости для каких дел посылати и вы б им приказывали и беречь накрепко чтоб им ясачных людей оберегати. А вы бы о том о всем отписали ко мне.

5. Азовские походы Петра Великого

Казачья песня о взятии Азова, нач. XVIII в.

Возлегал есть орел славны от росиские страны,
побеждает черны враны, злые бесурмены.
Черни враны бесурмены от орла паряще
убегающи
со страхом, как от огня поляще.
Тои бо орел светлозрачны и высокопарны,
Пресветлеиши и великии, от Бога избранны,
Благоверны царь московски Петр Алексеевич,
всеа России и стран многих есть отчичь и дедичь
Войско свое росиское мудрому вручает боярину
воеводе, Алексею именем,
Славну в делах и искусну, Шеину прозванием.
Тои же подадим чинно устрояет;
Крестом святым, щитом верным всех урежает.
Турки с моря в обороне тут все приходили
короблями,
фуркитами з бушкалами.
Адмирал же турою, хотяще ка Озону силно
испробити
И сидящим во Азове помош учинити.

Адмирал же против турком носко вооружает,
камондера славно мудра с ними посылает:
Петра храбра, благонаравна, в светлости явна,
корабелных дел и земных хитреца изрядна,
Тои же с войском на фуркатах в море
выгребали, на вси
сюди на всю силу бусурманского боем
наступали,
Тогда турком поблезнили и много побили,
как ягнят,
и с судами в море потопили.
В чистой степи зверовидно Нарадын с
кубанцы
набежал сам с тотарами, сильными поганцы,
Норадын же сам уязмен преложился в
бегство,
тогож де яка в его место пал в сметное
бедство.
И по двесте на сем тысящ в четвертое лето
крепок Азов град: их войско было да село.

6. Ш.-Л. Монтескье о петровской России

Монтескье Ш.-Л. О духе законов.

Гл. XIV. Каковы естественные средства изменения нравов и обычаев народа.

Мы сказали, что законы являются частными и точно определенными установлениями законодателя, а нравы и обычаи — установлениями народа в целом. Отсюда следует, что тот, кто желает изменить нравы и обычаи, не должен изменять их посредством законов: это показалось бы слишком тираническим; лучше изменять их посредством внедрения иных нравов и иных обычаев.

Итак, государь, который пожелает произвести большие перемены в своем народе, должен преобразовать посредством законов то, что установлено законами, и изменять посредством обычаев то, что установлено обычаями. Изменять же посредством законов то, что должно быть изменено посредством обычаев, — очень дурная политика.

Закон, обязывавший москвитов брить бороду и укорачивать платье, и насилие Петра I, приказывавшего обрезать до колен длинные одежды каждого, кто входил в город, были порождением тирании. Есть средства бороться с преступлениями: это наказания; есть средства для изменения обычаев: это примеры.

Легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации, неопровержимо доказали, что его государь был о нем слишком дурного мнения и, что его народы вовсе не были скотами, как он отзывался о них. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны: он мог бы достигнуть своей цели и кротостью.

Он и сам видел, как легко совершались эти перемены. Женщины были затворницами и в известном смысле рабынями. Он призвал их ко двору, велел им одеться по немецкой моде, он сам посылал им материи на платье, — и женщины тотчас же полюбили новый образ жизни, столь благоприятствовавший развитию их вкуса, тщеславия и страстей, и заставили полюбить его и мужчин.

Преобразования облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями. Петр I сообщил европейские нравы и обычаи европейскому народу с такой легкостью, которой он и сам не ожидал. Власть климата сильнее всех иных властей.

Итак, он не нуждался в законах для изменения нравов и обычаев своего народа; было бы достаточно, если бы он сообщил этому народу другие нравы и другие обычаи.

Народы, как правило, очень привязаны к своим обычаям, и лишать их этих обычаев при помощи насилия значит делать их несчастными: поэтому надо не изменять обычаи народа, а побуждать народ к тому, чтобы он сам изменил их.

Всякое наказание, не обусловленное необходимостью, есть тирания. Закон не есть простое проявление силы; вещи, по своей природе безразличные, не входят в круг его компетенции.

Гл. XV. Влияние домашнего управления на политическое.

Это изменение нравов женщин окажет, без сомнения, сильное влияние на правление Московского государства. Все тесно связано между собой; деспотизм государя естественно соединяется с рабством женщин, а свобода женщин — с духом монархии.

7. Стратегия русской армии в Семилетней войне

Из книги «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для потомков»

Любезный приятель!

Известие о упомянутой в предсудующем письме и старичком нашим над прусским королем одержанной совершенной и знатной победе, получили мы в Кёнигсберге, спустя самое короткое время, чрез бригадира князя Хованскаго, отправленного от графа Салтыкова с известием сим в Петербург. Нельзя изобразить, сколь много обрадованы все мы были оным и как начали торжествовать над пруссаками, старающимися всегда утверждать, что невозможное совсем то дело, чтоб наши могли когда-нибудь победить короля их. Все они, не в состоянии будучи тогда оспаривать победы, повесили головы, а мы еще более приводили их в смущение, утверждая, что теперь скоро уже посетится и Берлин нашими, и король не в состоянии будет спасти оный от рук наших. <...>

Армия прусская, находящаяся в тутошних пределах, двукратным и так скоро друг за другом последовавшим поражением, была приведена в такое изнеможение, что она не в состоянии была ничего предпринять. Я упоминал уже, что король по окончании сражения едва мог собрать вокруг себя 5 тысяч человек войска; <...> И как при всем том путь для нас в Берлин совершенно был отверзт и свободен, то не должно ли было ожидать, что наши непременно такую славную победою воспользоваться и, нимало не медля, пойдут прямо к Берлину и постараются овладеть оным прежде, нежели король соберется опять с силами.

Далее не сомневались почти все, что победа сия послужит к скорому окончанию и войны всей: ибо заключали, что, услышав об ней, не преминут и цесарцы напасть с главною и сильною своею армиею и разбить несравненно слабейшей против них армию принца Гейнриха, а имперская армия не оставит овладеть всею Саксонию, и наконец, и самым Магдебургом и довести короля прусскаго до последней крайности.

Так думали и заключали все и готовились получать вскоре известия за известиями о новых победах и завоеваниях. Мы сами, живучи в Кёнигсберге, всякий день ожидали новых радостных известий и готовились уже заблаговременно поздравлять друг друга со взятъем Берлина. Но удивление наше было неописанное, когда прошла неделя, прошла другая, а к нам не только не скакал курьер с известием о взятъе Берлина, но мы, напротив того, услышали, что наши и в сей раз поступили по прежнему и старинному своему обыкновению и вместо того, чтоб воспользоваться первыми и драгоценными минутами после одержанной победы, зародовавшись слишком, оныя упустили и до тех пор на месте сражения без всякаго дела и упражняясь в одних только празднествах и торжествах простояли, покуда король собрался опять с силами и с духом и, захватив путь к Берлину, сделал шествие наше к нему невозможным.

Не менее ж и мы и весь свет удивился, услышав, что и господин Даун, сей славный цесарский генерал и опытный полководец, в сей раз был так оплошен, что ничего не предпринял, и не только не напал на принца Гейнриха, но ниже не сделал и движение с своей стороны к Берлину, но вместо всего того за нужное почел наперед повидаться с предводителем нашей армии и согласиться, что делать; и для сего свидание не только сам пошел совсем в противоположную от Берлина сторону, но преклонил и нашего старика с армиею своею вместо Берлина иттить туда же. Словом, у обоих сих предводителей войск вышла власно некая распря и перебранка. Генерал Даун, услышав, что наш старик был так оплошен, что не воспользовался победою, но все первые и драгоценные минуты упустив, находился в совершенном бездействии, делал ему огорчительные упреки в том, а сей отвечал ему с таким же огорчением. «Я выиграл две баталии, — писал он к нему, — и теперь затем нейду далее вперед, что жду известия о двух таких же победах от вас, ибо несправедливо б было, если б войскам моей императрицы одним только действовать». Станный и удивительный ответ, а не менее странен был и тот, который дал он шведскому

министру Монталамберту, находившемуся при нем и его всячески убеждавшему идти вперед и старавшемуся преклонить его к тому тем представлением, что если не пойдет он теперь вперед, то оставит все плоды своей победы цесарцам. Господин Салтыков отвечал ему на сие: «О! я нимало им в том не позавидую, а желаю всем сердцем получить им еще более счастья, нежели сколько я имел, а я с моей стороны довольно и предовольно уже сделал».

Богу известно, чему приписать можно такие странные и, по-видимому, нимало с благоразумием несообразные отзывы господина Салтыкова: своенравию его, или непростительному упрямству, или трудности, или иным каким причинам? Некоторые из новейших иностранных писателей почитают тому причину господствовавшее во всех наших русских генералах, а особливо в главных командирах крайнее неудовольствие и досаду на цесарцев. Они говорят, что венский двор сделал ошибку, и вместо того, чтоб командиров сих лично как-нибудь задобрить и привлечь на свою сторону, оный приносил в Петербурге превеликие жалобы сперва на Апраксина, там на Фермора, а наконец, и на самого господина Салтыкова и обвинял кого недоброхотством, кого неспособностью, недеятельностью и нехотением подкреплять своих союзников. А сим, узнавшим все, сие было огорчительно и досадно, а потому они и не помышляли никогда ревностно австрийцам помогать, и производили с своей стороны лишь столько, чтоб не можно было подпасть ответу, а не более. Венский двор хотя и увидел наконец свою ошибку и старался ее всячески исправить, но сие было уже поздно.

В Петербурге между тем радость о победе, полученной над королем прусским, была чрезвычайная. Граф Салтыков пожалован за нее фельдмаршалом, а князь Голицын – генерал-аншефом. Генерал-поручики обвешены были кавалериями, а всей армии выдано было не в зачет полугодовое жалованье. Не менее награждены были от императрицы и цесарцы. Она подарила Лаудона золотую и богато бриллиантами украшенную шпагою, а каждому австрийскому полку, бывшему на сражении, пожаловала по 5-ти тысяч рублей денег; а для увековечения сего дня выбито было множество приличных к тому серебряных медалей и все воины российские, бывшие на сем сражении, украшены были оными.

8. Заговор 1762 г. глазами Екатерины II

Из письма Екатерины II Станиславу Августу Понятовскому

2 августа, старого. ст. 1762 г.

...Заговор для возведения меня на престол подготовлялся шесть месяцев. Петр III потерял последний скудный ум, каким обладал. Он во всем старался прошибить лбом стену, собирался уничтожить гвардию и для этого посылал ее в кампанию; заменить гвардию он рассчитывал своими голштинскими войсками, которые и должны были остаться в столице.

Хотел он и веру переменить, а на Елисавете Воронцовой жениться, меня же запереть в монастырь.

В день празднования мира он за столом публично осыпал меня бранью, а вечером отдал приказание меня арестовать. Моему дяде, принцу Жоржу, удалось настоять на отмене последнего приказания; с этого дня я и начала прислушиваться к предложениям, которые мне делались не раз после смерти императрицы.

Намерение было такое — захватить Петра и подвергнуть заточению, как было некогда сделано с принцессой Анной (Леопольдовной) и ее детьми. Тем временем Петр переехал в Ораниенбаум. Мы заручились участием большого количества капитанов полков гвардии. Судьбы заговора сосредоточивались в руках трех братьев Орловых. Остен, конечно, помнит, как старший из Орловых всюду за мною следовал и совершал тысячи сумасбродств. Его страсть ко мне ни для кого не была тайною... Орловы — люди чрезвычайно решительные и пользуются большой любовью среди солдатства, так как сами служили в гвардии. Я этим людям обязана чрезвычайно многим: весь Петербург тому свидетель.

Умы гвардейцев постепенно подготовлялись, и в конце концов в тайну было посвящено от 30 до 40 офицеров и около 10.000 рядовых. Среди их за целых три недели не нашлось изменника...

Панин желал, чтобы (отречение) совершилось в пользу моего сына, но Орловы и слышать об этом не хотели.

Я находилась в Петергофе, Петр жил и пьянствовал в Ораниенбауме...

27 июня, среди войска распространился слух, будто я арестована... Тут всполошились все наши заговорщики, и решили прежде всего послать в Петергоф второго брата Орлова; он должен был меня привезти в город, а остальные Орловы разъезжали по заговорщикам, оповещая их о моем приезде... В шесть часов утра, 28-го, я покойно спала в Петергофе — предшествовавший день прошел в тревоге, так как я знала обо всем, что готовилось. Входит ко мне в спальню Алексей Орлов и говорит очень спокойно: «Пора вставать, все подготовлено для вашего провозглашения»... В пяти верстах от столицы нас ожидал

старший Орлов с младшим князем Барятинским. Мы отправились прямо в Измайловский полк. Налицо оказалось всего двенадцать человек и барабанщик, который забил тревогу. Тут сбежались солдаты, принялись меня обнимать, целовали мне руки, ноги, платье, называя их избавительницею. Два солдата привели под руки священника с крестом. Тут все начали мне присягать. Когда это было окончено, меня попросили сесть в карету. Священник с крестом открывал шествие. Мы направились в Семеновский полк — тот выступил нам на встречу с криками “ура”. Мы отправились в Казанский собор; здесь я вышла из экипажа. Тут подошел и Преображенский полк с криками “ура”. Явилась и конная гвардия в такой радостной восторженности, какой я никогда и не видывала — все плакали и ликовали по случаю избавления отечества...

Я отправилась в Зимний дворец, где собрались Синод и Сенат. Тут впопыхах составили манифест, и присутствующие присягнули. Отсюда, спустившись, я пешком обошла войска. Собрано было 14. 000 гвардии и полевых войск. Как только я появлялась, меня встречали радостные крики, которым вторил бесчисленный народ...

Разослав в разные стороны курьеров и приняв все меры предосторожности, я около 10 часов оделась в гвардейский мундир. Принятие мною на себя звания полковника приветствовалось неизъяснимыми восторгами; я уселась верхом на коня, а в столице для охраны моего сына, остававшегося там, от каждого полка отряжено было по немного солдат. Во главе войск я и двинулась в Петергоф, куда мы шли всю ночь. Когда подходили к придорожному монастырю (в Сергиеве), явился ко мне вице-канцлер Голицын с льстивым письмом от Петра III... После первого письма (от Петра III) доставлено было второе генералом Михаилом Измайловым. Генерал бросился мне в ноги и спрашивает: “Считаете ли вы меня за честного человека?” Я отвечала утвердительно. “Как приятно иметь дело с умными людьми!” — похвалил он. “Император предлагает отречься от престола. Я вам его привезу, после того, как он подпишет вполне добровольно отречение. Этим я без труда предупреджу гражданскую войну для моего отечества”.

Петр III, окруженный 5. 000 голштинцев, подписал отречение в Ораниенбауме без принуждения... После этого я отправила низложенного императора в Ропшу, удаленную от Петергофа в 25 верстах, под эскортом надежных, кротких людей, поставленных под начальство Алексея Орлова и четырех офицеров. Ропша — местность уединенная и очень приятная (и Петр должен был там пробывать), пока в Шлиссельбурге изготовлялось для него удобное и приличное помещение, и расставлялись подставы почтовых лошадей для его переезда.

Но Господь судил иначе.

Со страху Петр III заболел расстройством желудка, длилось оно три дня, но на четвертые сутки прошло. В этот день он сильно напился, так как ему предоставлялось все, чего он ни желал, за исключением свободы. Потребовал он, впрочем, только свою любовницу (Елисавету Воронцову), любимую собаку, слугу негра и скрипку. Во избежание соблазна и брожения среди его охраны я ему послала только негра, собаку и скрипку.

Но тут у Петра начались геморроидальные колики в сопровождении с мозговыми приливами; болел он два дня, чрезвычайно ослабел и, несмотря на усилия врачей, испустил дух, потребовав лютеранского пастора. Я боялась, не отравили ли его офицеры, и приказала произвести анатомическое вскрытие тела усопшего; оно удостоверило отсутствие всяких следов отравы...

По отбытии из Петергофа, мне советовали немедленно же вернуться в столицу...

В столицу я вступила среди бесчисленных приветственных криков и направилась в Летний дворец, где меня ожидал двор, синод, мой сын и все лица, имеющие приезд ко двору. Я выслушала обедню, потом пропели молебен, потом я принимала поздравления...

Вот вам приблизительно и вся наша история; все это, признаюсь вам, велось под ближайшим моим руководством... Таким образом, только Господь Бог привел к концу predeterminedное в неисповедимых его путях, ибо все совершившееся скорее похоже на чудо, чем на явления, предусмотренные и проведенные преднамеренно: ведь стечение особенно благоприятных случайностей могло лежать только в руке Божией...

Знайте, все происшедшее свершилось из-за ненависти к чужестранцам и потому, что таковым же слыл и Петр III.

Прощайте! Бывают же на свете такие странные положения!

9. Отражение политических взглядов Н.М. Карамзина в его литературном наследии

Из повести «Марфа-посадница, или покорение Новгорода», 1802.

Раздался звук вечеревого колокола, и вздрогнули сердца в Новгороде. Отцы семейств вырываются из объятий супруг и детей, чтобы спешить, куда зовет их отечество. Недоумение, любопытство, страх и надежда влекут граждан шумными толпами на Великую площадь... Народ криком своим заглушает звон колокола и требует открытия веча. Иосиф Делийский, именитый гражданин, бывший семь раз степенным посадником... всходит на железные ступени, открывает седую, почтенную свою голову, смиренно кланяется народу и говорит ему, что князь московский прислал в Великий Новгород своего боярина, который желает всенародно объявить его требования... То был воевода, князь Холмский, муж благоразумный и твердый — правая рука Иоаннова в предприятиях воинских, око его в делах государственных — храбрый в битвах, велеречивый в совете...

«Граждане новгородские! — вещает он. — Князь Московский и всея России говорит с вами — внимайте!

Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собой и были жертвою лютых соседей или еще лютейших внутренних междоусобий. Старец добродетельный, стоя на праге вечности, заклинал их избрать владетеля. Они поверили ему, ибо человек при дверях гроба может говорить только истину.

Граждане новгородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду; на сем месте древние новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого. Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах соседей, новгородцы под державною рукою варяжского героя сделались ужасом и завистию других народов; и когда Олег храбрый двинулся с воинством к пределам юга, все племена славянские покорялись ему с радостью, и предки ваши, товарищи его славы, едва верили своему величию.

Олег, следуя за течением Днепра, возлюбил красные берега его и в благословенной стране Киевской основал столицу своего обширного государства; но Великий Новгород был всегда десницею князей великих, когда они славили делами имя русское. Олег под щитом новгородцев прибил щит свой к вратам цареградским. Святослав с дружиною новгородскою рассеял, как прах, воинство Цимисхия, и внук Ольгин вашими предками был прозван Владетелем мира.

Граждане новгородские! Не только воинскою славою обязаны вы государям русским: если глаза мои, обращаясь на все концы вашего града, видят повсюду золотые кресты великолепных храмов святой веры, если шум Волхова напоминает вам тот великий день, в который знаки идолослужения погибли с шумом в быстрых волнах его, то вспомните, что Владимир соорудил здесь первый храм истинному богу, Владимир низверг Перуна в пучину Волхова!.. Если жизнь и собственность священны в Новгороде, то скажите, чья рука оградила их безопасностью?.. Здесь (указывая на дом Ярослава) — здесь жил мудрый законодатель, благотворитель ваших предков, князь великодушный, друг их, которого называли они вторым Рюриком!.. Потомство неблагодарное! Внимай справедливым укоризнам!..

Вольность!.. Но вы также рабствуете. Народ! Я говорю с тобою. Бояре честолюбивые, уничтожив власть государей, сами овладели ею. Вы повинуетесь — ибо народ всегда повиноваться должен, — но только не священной крови Рюрика, а купцам богатым. О стыд! Потомки славян ценят златом права властителей! Роды княжеские, издревле имениты, возвысились делами храбрости и славы; ваши посадники, тысяцкие, люди житые обязаны своим достоинством благоприятному ветру и хитростям корыстолюбия. Привыкшие к выгодам торговли, торгуют и благом народа; кто им обещает злато, тому они вас обещают...

Новгородцы! Земля русская воскресает. Иоанн возбудил от сна древнее мужество славян, ободрил унылое воинство, и берега Камы были свидетелями побед наших...

Но радость его не будет совершенна, доколе Новгород, древний, Великий Новгород, не возвратится под сень отечества. Вы оскорбляли его предков, он все забывает, если ему покоритесь. Иоанн, достойный владеть миром, желает только быть государем новгородским!.. Вспомните, когда он был мирным гостем посреди вас; вспомните, как вы удивлялись его величию, когда он, окруженный своими вельможами, шел по стогнам Новаграда в дом Ярославов; вспомните, с каким благоволением, с какою мудростию он беседовал с вашими боярами о древностях новгородских, сидя на поставленном для него троне близ места Рюрикова, откуда взор его обнимал все концы града и веселые окрестности; вспомните, как вы единодушно восклицали: „Да здравствует князь московский, великий и мудрый!“ Такому ли государю не

славно повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров? Тогда Новгород еще более украсится и возвеличится в мире. Вы будете первыми сынами России; здесь Иоанн поставит трон свой и воскресит счастливые времена, когда не шумное вече, но Рюрик и Ярослав судили вас, как отцы детей, ходили по стогнам и вопрошали бедных, не угнетают ли их богатые? Тогда бедные и богатые равно будут счастливы, ибо все подданные равны пред лицом владыки самодержавного...»

10. Внешняя политика Александра I в последние годы царствования и греческое восстание

Из письма Александра Инсиланти Александру I, март 1821 г.

«Благородные движения народов исходят от Бога, и, без сомнения, по Божию вдохновению поднимаются теперь греки свергнуть с себя четырех-вековое иго. Долг в отношении к отечеству и последняя воля родительская побуждают меня посвятить себя этому делу. Более 200 адресов, подписанных более чем 600.000 имен лучших людей Греции, призвали меня стать в челе восстания. Несколько лет тому назад среди греков образовалось тайное общество, имеющее единственной целью освобождение Греции; оно выросло быстро, и его ветви распространяются повсюду, где только есть греки. Божественное Провидение, покровительствующее всегда правому делу, удостоило бросить взгляд сострадания на мое несчастное отечество и ослепить глаза его тиранов. Они остались в совершенном бездействии, несмотря на частые предостережения англичан и дух независимости, сильно обнаруживавшийся между греками. Государь! Неужели вы предоставите греков их собственной участи, когда одним словом можете освободить их от самого чудовищного тиранства и спасти их от ужасов долгой и страшной борьбы? Все говорит нам, что вас, государь, избрало Провидение, чтобы положить конец нашим вековым страданиям. Не презрите мольбы 10.000.000 христиан, которые возбуждают ненависть тиранов своей верностью нашему Божественному Искупителю. Спасите нас, государь, спасите религию от ее гонителей, возвратите нам наши храмы, наши алтари, откуда божественный свет Евангелия просветил великий народ, вами управляемый!»

Из ответного письма И.А. Каподистрии Александру Инсиланти, 1821.

«Получив ваше письмо, император испытал тем более скорбное чувство, что всегда ценил благородство чувств, которое вы обнаруживали, находясь в его службе. Император был далек от опасения, что вы позволите увлечь себя духу времени, который побуждает людей в забвении своих главных обязанностей искать блага, достигаемого только точным исполнением обязанностей религии и нравственности. Без сомнения, человеку врождено желание улучшения своей участи; без сомнения, многие обстоятельства заставляют греков желать не всегда оставаться чуждыми своим собственным делам; но разве они могут надеяться достигнуть этой высокой цели путем возмущения и войны междоусобной? Разве какой-нибудь народ может подняться, воскреснуть и получить независимость темными путями заговора? Не таково мнение императора. Он старался обеспечить грекам свое покровительство договорами, заключенными между Россией и Портой. Теперь эти мирные выгоды не признаны, законные пути оставлены, и вы соединили свое имя с событиями, которых его императорское величество не одобряет. Как вы смели обещать жителям княжества поддержку великого государства? Если вы разумели здесь Россию, то ваши соотечественники увидят ее неподвижной, и скоро их справедливый упрек обрушится на вас; на вас всей своей тяжестью ляжет ответственность за предприятие, которое могли присоветовать только безумные страсти. Никакой помощи, ни прямой, ни косвенной, не получите вы от императора, ибо мы повторяем, что недостойно его подкапывать основания Турецкой империи постыдными и преступными действиями тайного общества. Если вы нам укажете средства прекратить смуту без малейшего нарушения договоров, существующих между Россией и Портой, то император не откажется предложить турецкому правительству принять мудрые меры для восстановления спокойствия в Валахии и Молдавии. Во всяком другом случае Россия останется только зрительницей событий, и войска императора не тронутся. Ни вы, ни ваши братья не находятся более в русской службе, и вы никогда не получите позволения возвратиться в Россию».

11. Московский университет в середине XIX в.

Из «Записок русского профессора от медицины» И.М. Сеченова

...Весь этот год я находился в сильно повышенном настроении, ходил только на лекции в университет, а дома сидел за книгами до позднего вечера. Помню, что неважная обстановка несколько не тяготила меня – был постоянно занят, сыт, и комната была теплая. Куда хуже живут и теперь многие студенты.

Когда я пришел в канцелярию университета с вопросом, что делать, чтобы меня приняли студентом на медицинский факультет (в октябре!), мне, конечно, ответили, что теперь, подав просьбу ректору, я могу записаться лишь вольным слушателем, а в студенты могу быть зачислен лишь в будущем году по выдержании вступительного экзамена. Нечего делать, поступил вольным слушателем с мыслью посещать лекции первого курса и готовиться исподволь к вступительному экзамену. Анатомию читал тогда профессор Севрук ежедневно с 8 до 10 утра; поэтому первая лекция, на которую я пришел, была его. Прихожу и слышу, к немалому моему огорчению, что он читает по-латыни...Как бы то ни было, но пришлось подумать об изучении латинского языка, а в какой степени нужно было изучить его для вступительного экзамена и для дальнейших университетских лекций, я не знал. Выручило меня из этого затруднения знакомство со студентом филологом Дм. Визаром, научившим меня, как приняться за дело...Будучи слушателем на филологическом факультете, составлявшем тогда красу и гордость Московского университета, он учился с увлечением, зачитывался книгами и готовил себя к ученой карьере. А университет играл тогда в Москве очень видную просветительную роль, и Москва его любила – не то, что ныне, когда университет стараются оградить от общества китайской стеной чиновничьих регламентов...

Лето 1851 г. я прожил в Хлыновском тупике, готовясь к вступительному экзамену. В латыни преуспел настолько, что, прочитав почти все «Метаморфозы» Овидия, обращался к Визару за помощью лишь изредка. По истории готовился по учебнику Лоренца, который был дан мне кем-то на столь короткий срок, что я должен был делать из него выписки. Занятия эти отняли вообще столько времени, что я уже давно свикся с мыслью поступить на 1-й курс.

Из маленьких эпизодов на экзамене помню следующие. По истории экзаменовал Грановский; отвечал я, должно быть, неважно: экзаменатор все время молчал и поставил мне 4. По русскому языку требовалось написать сочинение на тему «Любовь к родителям». Я написал о значении матери для Шиллера и Гете. Экзаменатором был Буслаев. Прочитав мое сочинение, он спросил, читал ли я Гете и Шиллера, и, получив удовлетворительный ответ, поставил мне 5. Из математики экзаменовал проф. Зернов. Помню, что я вытянул билет о подобии треугольников. В эту минуту подле Зернова сидел тогдашний декан медицинского факультета Анке, который имел неосторожность заметить: «Что экзаменовать г. Сеченова, ведь он инженер». На это Зернов осерчал: «Если хотите, я экзаменовать не буду». Анке, конечно, поспешил исправить ошибку, и условия подобия треугольников были изложены удовлетворительно. Из латыни заставили перевести несколько строчек из Саллюстия.

Теперь расскажу, как нас учили на первых двух курсах.

Кроме анатомий и богословия, на 1-м курсе преподавались одни естественные науки: физика, химия, ботаника, зоология и минералогия.

Богословие читал очень важный с виду священник университетской церкви, протоиерей Терновский, считавшийся ученым богословом, – он написал учебник, в котором богословские тезисы, выводимые из Священного Писания, подкреплялись доводами разума. На лекциях он зорко следил за благочинием своей многочисленной аудитории – его слушали первокурсники всех факультетов разом. На одной из лекций рассказывал нам о грехопадении прародителей; и вдруг среди общей тишины раздается щелк.

«Господин Малинин, – прерывает свою речь протоиерей, – я рассказываю вам о событии, столь пагубно отразившемся на судьбах человечества, а вы грызете орехи. Извольте идти вон». На экзамен из его предмета приехал в этом году (1852) митрополит Филарет. О его приезде знали, вероятно, наперед, потому что в аудитории, где происходил экзамен, его прихода ждали: несколько посторонних лиц и между ними историк С. М. Соловьев, чтобы подойти под благословение знаменитого владыки...

На первых двух курсах я учился очень прилежно и вел трезвую во всех отношениях жизнь; а с переходом на 3-й курс свихнулся в самом начале года в сторону и от медицины, и от трезвого образа жизни.

В этом году, чуть не рядом с аудиторией, где читали Топоров, Анке и Басов²², читалась Петром Николаевичем Кудрявцевым история реформации; и я прослушал весь этот курс с таким же восхищением, с каким читал позднее его «Римских женщин по Тациту», изданных Леонтьевым. Помню, как теперь, его худое бледное лицо, неопределенно устремленный в пространство, словно вдохновенный, взгляд и его тихую красивую речь, когда он описывал борьбу в душе монаха-аскета Лютера. Грановского я слышал всего один раз, но он произвел на меня далеко не такое впечатление, как Кудрявцев. Жаль, что я не записывал тогда своих впечатлений, – теперь, через пятьдесят лет, от них остались на душе только слабые тени...

Зимой 1855 г., перед масленицей, нас, четверокурсников, собирают в какой-то аудитории старого университета, является декан и объявляет, что по высочайшему повелению все мы должны будем держать выпускной экзамен и отправляемся затем на войну, а на второй неделе поста скончался император Николай, и было объявлено, что выпуску будут подлежать лишь казеннокоштные...

В заключение нельзя не вспомнить о крупных московских событиях, имевших место в промежуток времени моего студенчества (1850–1856). Время это было особенно богато ими.

Известно, что, когда революционное движение 48 и 49-го годов приблизилось к нашим границам в Пруссии и Австрии, император Николай нашел нужным принять экстренные меры против проникновения к нам вредных идей с запада, и одною из таких мер явилось сокращение в Московском университете (была ли эта мера распространена и на другие университеты, я не знаю) числа студентов на всех факультетах, кроме медицинского, до трехсот. В 50-м году мера эта была уже в ходу, и ректор университета (Альфонский) был уже коронный. Позднее (в каком году, не помню) была закрыта кафедра философии, на которой сидел Катков, и вместо этого ультраблагонамеренного патриота логику и психологию стал читать протоиерей Терновский. В то же время стали ходить слухи, будто в университет назначен какой-то полковник обучать студентов артиллерии и фронту. Говорили даже, будто в университет будут поставлены две пушки. Некоторые из студентов этим слухам, может быть, и верили, но большинство относилось к ним иронически. Так, некоторые из товарищей советовали мне, шутя, выступить кандидатом на обучение студентов маршировке. Могу вообразить, какое волнение вызвали бы теперь подобные слухи и меры между студентами, но тогда студенчество еще не шевелилось сплоченной массой. Неудобства современного положения оно, конечно, сознавало, но разговоры об этом велись, так сказать, под сурдинку, в тесных товарищеских кружках. У меня, был, например, между приятелями поляк Б., и мы с ним нередко рассуждали о современном положении вещей – я горевал, а он держался мнения, что чем хуже, тем лучше...

---

²² Эти профессора читали фармакологию, патологию, офтальмологию и др. медицинские предметы. Далее И.М. Сеченов критически отзываясь о преподавании этих предметов, обращает внимание на отсутствие демонстрации, опытов, чтении по запискам, отсутствии причинно-следственных связей и пр.

12. Общественные настроения в период Крымской войны Стихотворение Ф.Н. Глинки «Ура!»

<p>1. Ура!.. На трёх ударим разом, Не даром же трёхгранный штык " Ура"! - отгрянет над Кавказом, В Европу грянет тот же клик!..</p> <p>2. И двадцать шло на нас народов, Но Русь управлялась с гостями: Их кровь замыла след походов; Поля белелись их костями.</p> <p>3. Тогда спасали мы родную Страну и честь, и Царский трон; Тогда о нашу грудь стальную Расшибся сам Наполеон!..</p> <p>4. Теперь же вздрогни, вся природа! Во сне не снилось никому: Два христианские народа На нас грозятся за чалму!!</p> <p>5. Но год двенадцатый не сказки, И Запад видел не во сне, Как двадцати народов каски Валялись на Бородине.</p> <p>6. И видел, что за все лишенья, Пришли с царём пощады мы ж, И белым знаменем прощенья Прикрыли трепетный Париж.</p> <p>7. И видел, что коня степного На Сену пить водил калмык, И в Тюильри у часового Сиял, как дома, русский штык!..</p> <p>8. И сын пределов енисейских, Или придонский наш казак, В полях роскошных Елисейских, Походный ставил свой бивак...</p> <p>9. Но засорив поля картечью, В Париже русский мирно жил, И бойкою французской речью Да русским золотом сорил.</p> <p>10. И после, на Москве сожжённой И над нетронутой Невой, Никем, нигде не оскорблённый Француз с британцем был, как свой.</p>	<p>11. Но что же? За хлеб-соль и дружбу Предав наш символ за Коран, Вы к туркам поступили в службу И отступились христиан!!</p> <p>12. Что ж скажет летопись пред светом Про нечестивый ваш союз? Британец в сделке с Магометом, И - стыд! Отурчился француз!!</p> <p>13. Но тщетны ваши упованья Взять верх на суше и морях: Спросите древние сказанья О русском мужестве в боях...</p> <p>14. Спроситесь и с полями битвы, Как русским святы честь и долг И как доходны их молитвы И как велик российский Бог!!!</p> <p>15. Знакома ль вам пучина Понта? Спросите у неё самой: Каков был пламень горизонта, Когда горело под Чесмой?..</p> <p>16. Что ж вас гордят так ваши силы И ваш высокопарный флот?! Есть и у нас в морях ветрила И колесистый пароход!..</p> <p>17. И наш моряк с мятежной влагой Не меньше вашего знаком... И русской там возьмёт отвагой, Где не придется взять числом...</p> <p>18. Так знайте, ваши все мытарства, Расчет и вычет - всё мечта! Вам русского не сдвинуть царства: Оно с Христом и за Христа!..</p> <p>1854</p>
--	--

13. Настроения в правительственных кругах после Крымской войны

Из письма генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича наместнику на Кавказе князю А.И. Барятинскому, 24 июня 1857 г.

[...] Состояние наших финансов, которое в высшей степени затруднительно, побуждает безотлагательно сократить по всем ведомствам все расходы, без которых можно обойтись, и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее для того, чтоб выйти из настоящего положения. Положение это становится тем важнее, что теперь явились с новой силой и требуют скорейшего разрешения другие важные жизненные вопросы внутренней администрации нашей, а именно: о крепостном праве, о раскольниках, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицию нашу так, чтоб народ находил где-нибудь суд и расправу, чтоб приказания правительства

исполнялись и чтоб высшие правительственные лица не были вынуждены для достижения благих целей прибегать к незаконным средствам. В то же время необходимо изыскать новые, и притом колоссальные, источники народного богатства, дабы Россия сравнялась в этом отношении с другими государствами, ибо мы не можем долее себя обманывать и должны сказать, что мы и слабее, и беднее первостепенных держав, и притом беднее не только материальными способами, но и силами умственными, особенно в деле администрации. Ты, любезный князь, управляешь как наместник государя целым царством, мне предоставлено доверием государя создавать России флот, ибо нет у нас флота. Соображая важность той и другой исторической роли, мне кажется, что первая обязанность наша должна состоять в том, чтоб отбросить всякое личное славолубие и сказать, что наша жизнь должна пройти в скромном неблестящем труде, не в подвигах, которые могли бы в настоящем возвысить наше имя, но в работе для будущего, чтоб дети наши получили плоды с той земли, которую мы при благословении Божиим можем вспахать, удобрить и засеять. Посему не о морских победах, не о завоеваниях на Кавказе и в сопредельных странах следует думать, не о создании вдруг большого числа судов при больших пожертвованиях и не о содержании на Кавказе многочисленной армии, на которую мы решительно не имеем денежных средств, но о том, чтоб непрерывными плаваниями небольшого числа хороших судов приготовить целое поколение будущих опытных и страстных моряков, и о том, чтоб усовершенствованием внутреннего управления вводить на Кавказе порядок и довольство, не издерживая на то больших сумм, а стараясь сделать из управления кавказского образец бережливости и благоустройства. На это нужна не армия, не громкие экспедиции в горы, не пышный двор падишаха, но выбор дельных людей и скромный образ действия. Конечно, блестящий наместник обратится тогда в губернатора, но этот губернатор оставит по себе имя в истории народов, тогда как первый присоединится к ряду тех предместников, которых имена сохранились только в названии улиц. Глубоко проникнутый этими убеждениями, я занимаюсь теперь сокращением морского бюджета нашего [...]

Вот тебе, любезный князь, весьма длинное письмо. Не пеняй на меня за некоторые выражения и вспомни, что я пишу под грустным впечатлением всего, что вижу и при горьком сознании, что я теперь ни что иное, как генерал-адмирал без флота и который только что видел своими глазами гигантские флоты и морские способы вчерашних врагов своих²³.

14. «Второе» 1 марта глазами современников и участников

Письмо М.А. Ульяновой Александру III

Милосерднейший Монарх!

Горе и отчаяние матери дают мне смелость прибегнуть к Вашему Величеству, как единственной защите и помощи.

Милости, Государь, прошу! Пощады и милости для детей моих!

Старший сын, Александр, окончивший гимназию с золотою медалью, получил золотую медаль и в университете. Дочь моя, Анна, успешно училась на Петербургских Высших Женских Курсах. И вот, когда оставалось всего лишь месяца два до окончания ими полного курса учения, - у меня вдруг не стало старшего сына и дочери - оба они заключены по обвинению в прикосновенности к злодейскому делу первого марта.

Слез нет, чтобы выплакать горе. Слов нет, чтобы описать весь ужас моего положения.

Я видела дочь, говорила с нею. Я слишком хорошо знаю детей своих и из личных свиданий с дочерью убедилась в полной ее невинности. Да, наконец, и Директор департамента Полиции еще 16 марта объявил мне, что дочь моя не скомпрометирована, так что тогда же предполагалось полное освобождение ее. Но затем мне объявили, что для более полного следствия дочь моя не может быть освобождена, и отдана мне на поруки, о чем я просила, в виду крайне слабого ее здоровья и убийственно вредного влияния на нее заключения в физическом и моральном отношении.

О сыне я ничего не знаю. Мне объявили, что он содержится в крепости, отказали в свидании с ним и сказали, что я должна считать его совершенно погибшим для себя.

О, Государь! Если б я хоть на один миг могла представить своего сына злодеем, — у меня хватило бы мужества отречься от него, и благоговейное уважение к Вашему Величеству не позволило бы мне просить за него. Но все, что я знаю о сыне не дает мне возможности представить его таким, - и я милости прошу у Вас, Великодушнейший Государь! Сын мой был всегда убежденным и искренним ненавистником

---

²³ В 1857 г. Константин Николаевич находился с визитом во Франции.

терроризма в какой бы то ни было форме. Таким я знаю его до последних каникул (в 1886 г.), проведенных им дома у меня, в Симбирске.

Александр III: "Хорошо она знает сына!"²⁴

Он был всегда религиозен, глубоко предан интересам семьи и часто писал мне. Около года тому назад умер мой муж, бывший директором народных училищ Симбирской губернии. На моих руках осталось шесть человек детей, в том числе четверо малолетних. Это несчастье, совершенно неожиданно обрушившееся на мою седую голову, могло бы окончательно сразить меня, если б не та нравственная поддержка, которую я нашла в старшем сыне, обещавшем мне всяческую помощь и понимавшем критическое положение семьи без поддержки с его стороны.

Он был увлечен наукой до такой степени, что ради кабинетных занятий пренебрегал всякими развлечениями. В университете он был на лучшем счету. Золотая медаль открывала ему дорогу на профессорскую кафедру, — и нынешний учебный год он усиленно работал в зоологическом кабинете университета, готовя магистерскую диссертацию, чтобы скорее выдти на самостоятельный путь и быть опорой семьи. Зная это, могу ли я представить сына моего злодеем? А между тем, он так тяжело обвиняется и, без сомнения, у обвинительной власти должны быть веские доказательства для обвинения.

Я не знаю ни сущности обвинения, ни данных, на которых оно основано. Но, сопоставляя самый факт обвинения в тягчайшем государственном преступлении с фактами относительно воззрений моего сына в самом недавнем прошлом, преданности его науке и интересам семьи, - я вижу непримиримую несообразность, представляющуюся чем-то совершенно необъяснимым. Здесь возможно допустить лишь - или какую-то роковую случайность, или помрачение рассудка, но ни в каком случае не злодейство, проистекающее из убежденно преступной натуры. Он был всегда слишком религиозен, гуманен и честен, чтобы, будучи в здравом уме, идти на злодейское дело и заслужить проклятие миллионов людей. Он был слишком развит, чтобы не понимать позорного бесчестия этого дела. Он слишком любил сестру, чтобы губить ее. Он слишком был предан семье, чтобы пятнать ее позором, слишком уважал свой дворянский род, чтобы клеймить его.

О, Государь! Умоляю — пощадите детей моих! Нет сил перенести этого горя и нет на свете горя такого лютого и жестокого, как мое горе! Сжальтесь над моей несчастной старостью! Возвратите мне детей моих!

Если у сына моего случайно отуманился рассудок и чувство, если в его душу закрались преступные замыслы - Государь, я исправлю его: и я вновь воскрешу в душе его те лучшие человеческие чувства и побуждения, которыми он так недавно еще жил!

Александр III: "А что же до сих пор она смотрела!"

Я свято верю в силу материнской любви и сыновней его преданности — и ни минуты не сомневаюсь, что я в состоянии сделать из моего несовершеннолетнего еще сына честного члена русской семьи, верного слугу Престола и Отечества, - не сомневаюсь, что он употребит всю последующую жизнь свою на то, чтобы загладить павшую на него вину. И если бы я видела в сыне хоть малейшие задатки злой воли, хоть малейшее упорство относительно исправления, - клянусь, Государь, не нужно карателя и обвинителя беспощаднее меня: я сама передам его в руки правосудия и буду свидетельствовать против него.

Милости, Государь, прошу, милости! В таком отчаянном несчастии, как мое, может быть только помощь Всевышнего да милость Царская.

Умилосердитесь, Государь, надо мной и дайте мне возможность доказать, что обрекаемый на гибель сын мой может быть вернейшим из слуг Вашего Величества!

Мария Ульянова

28 марта 1887 года.

С.-Петербург.

(Васильевский остров.

Средний пр., д.32, кв.5)

Вдова действительного статского советника и Кавалера Станислава I степени Мария Александровна Ульянова. Постоянное жительство в Симбирске".

Александр III: "Мне кажется желательным дать ей свидание с сыном, чтобы она убедилась, что это за личность ее милейший сынок и показать ей показания ее сына, чтобы она видела, каких он убеждений".

---

²⁴ Здесь и далее комментарии Александра III выделены курсивом.

Из воспоминаний А.И. Ульяновой:

"Когда мать пришла к нему на первое свидание, он плакал и обнимал ее колени, прося ее простить его за причиняемое им горе. Он говорил ей, что у него есть долг не только перед семьей, и, рисуя ей бесправное, задавленное положение родины, указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее. — «Да, но эти средства так ужасны»... — «Что же делать, если других нет, мама», — ответил он. И он всячески старался примирить мать с ожидавшей его участью. — «Надо примириться, мама», — говорил он. И он напоминает ей о меньших детях, о том, что следующие за ним брат и сестра кончают в этом году с золотыми медалями и будут утешением ей. Убитая горем мать долго убеждала и просила его подать прошение о помиловании. «Не могу я сделать этого после всего, что признал на суде, — отвечал брат. — Ведь, это же будет неискренне». На этом свидании присутствовал некий молодой прокурор, несколько раз отходивший к двери и выходявший даже из камеры, чтобы дать возможность матери переговорить свободно с сыном. При последних словах брата он обернулся и, со слезами на глазах, воскликнул: «Прав он, прав!». «Слышишь, мама, что люди говорят», — сказал тогда брат. «У меня просто руки опустились», — рассказывала об этом свидании мать."

15. Политика Российской империи в Китае в конце XIX в. и проблемы строительства КВЖД

Из письма пограничного комиссара Амурской обл. полковника Генерального штаба Б.Л. Громбчевского на имя Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова, 1898 г.

Харбин
5.09.1898 г.

Совершенно секретно

В августе сего года я командирован был Вашим превосходительством в хлебородные округа Маньчжурии, причем мне пришлось пробыть короткое время в районе постройки Восточной Китайской железной дороги и видеть главных руководителей этого дела, сообщивших мне некоторые данные о ходе работ...

Рабочих для постройки, а также громадное количество всевозможных мастеровых Управление получает по мере надобности от подрядчиков и при том по необыкновенно дешевой цене. Так, один из главных подрядчиков китаец Целиди поставил 30 тыс. рабочих по 25 коп. в сутки, на своем содержании, что по сравнению с амурскими ценами, где русский рабочий на приисках получает 2 руб. 65 коп. в сутки на полном довольствии от приискового управления — поражает своею баснословною дешевизною. К сожалению, Управление рассчитывается не непосредственно с рабочими, а с подрядчиком, который, по многочисленным рассказам лиц, близко стоящих к делу, уплачивает рабочим только от 6 до 12 коп., вследствие чего рабочие, не будучи в состоянии прокормить себя, массово бежали. Рабочих пришлось ловить при помощи китайских войск и наказывать, что сильно озлобило их, и доводило до кровавых столкновений, когда бушующую толпу приходилось усмирять выстрелами... Вообще нельзя не отметить чуткости китайского рабочего к обидам, несправедливости; они легко входят в стачку и бьют не только своих подрядчиков, но и русских десятников. Такие эпизоды происходят часто и усмиряются при помощи охраны, причем зачинщики наказываются телесно... Каждый раз, несмотря на громадную толпу китайцев, беспорядки прекращались при появлении нескольких казаков... Опасность должна увеличиться с наступлением зимнего времени, когда, с одной стороны, сократятся работы, и придется уменьшить число рабочих, которым зимою и жить будет нечем, и уехать на родину не на что, с другой, - пароходное сообщение прекратится и с ним прекратится фактическая возможность своевременно прислать подкрепление из Приамурского края. Обстоятельство это прекрасно осознается не только рабочими, часто откладывающими до зимы приведение угроз своих в исполнение, но и всеми русскими, живущими на линии... Все (*русские*) в постоянной тревоге. Многие, как например, железнодорожный ревизор в Сан-Сине г. Огородников, человек интеллигентный и совершенно на своем месте, несмотря на совершенное отсутствие средств, готов бросить хорошо оплачиваемое место и уехать, даже не дождавшись заместителей...

Собственно железнодорожная охрана в нынешнем ее составе, при серьезных осложнениях, едва ли может оказать существенную защиту, т.к. она разбросана по целой линии... Отзывы по поводу состава охраны, которые мне довелось слышать, в большинстве неодобрительны.

(*По поводу отчуждения земель для надобностей железной дороги*) По соглашению с китайским правительством железная дорога пустопорожними казенными землями пользуется даром, за земли засеянные, за лес, за постройки — уплачивается владельцам. К сожалению, и здесь железнодорожное

управление уплачивает деньги не прямо владельцам, а агентам китайского правительства, что порождает массу жалоб и неудовольствий...

На основании соглашения с китайским правительством на участках, отчуждаемых для надобностей дороги, китайских таможен пока не существует, поэтому русские торговцы ввозили бы свои товары без уплаты пошлины китайскому правительству, точно так же они поступали бы и приобретая местные произведения для вывоза в Россию. Обстоятельство это может вызвать справедливые нарекания китайских властей... Таким образом пришлось ограничить торговлю проезжающих купцов исключительно с людьми, состоящими на службе дороги, что, с одной стороны, весьма трудно достижимо, а с другой, не может представить никаких выгод ни торговцам, ни служащим на дороге, так как Управление открыло свою лавку в видах обеспечения своих служащих, где все продукты продаются с надбавкой 10% к оптовым ценам.²⁵ Поэтому Управление считает возможным допустить русских торговцев только с открытием движения, когда китайское правительство учредит таможи... Инженер Кербедз, между прочим, сообщил, что и в будущем Маньчжурия, несмотря на близость свою к России, никогда не будет выгодным рынком сбыта наших товаров, так как система покровительственных пошлин, которой придерживается наше Министерство финансов, ради поддержания отечественной промышленности, убивая конкуренцию, настолько подняла цены на все наши произведения, что таковые не в состоянии конкурировать с иностранными произведениями... В доказательство Кербедз привел массу примеров...: рельсы, купленные в России, обошлись дороге по 1 руб.94 коп. за пуд, тогда как иностранные, приобретенные во Владивостоке, по 98 коп., гвозди русские по 4 руб., иностранные по 2 руб. за пуд... Поэтому на Маньчжурскую железную дорогу Кербедз смотрит исключительно как на стратегическую линию...

Трудное положение наше лучше всего осознается самими строителями... Кербедз, говоря о настоящем политическом положении, высказался, что наше правительство уже затратило такие громадные суммы на постройку дороги, а ход постройки еще находится так на весу, что, по его мнению, что бы иностранцы нам в настоящее время ни сказали, следует смолчать и записать в книжку, чтобы отомстить в 1903 г., когда будет окончена постройка дороги.

Из личных сношений с китайцами я, по сравнению с прошлым годом, нашел резкую перемену в отношении к нам чиновников и простого населения: в прошлом году чиновники делали всякие тормоза, но население относилось тем приветливее, чем мы были дальше от русской границы. Ныне наоборот, и в этом сказывается, конечно, влияние железной дороги, заинтересовавшей материально чиновников и, быть может, слишком мало обратившей внимание, чтобы рассыпанные по Маньчжурии миллионы хотя бы отчасти попали в руки населения. А с населением Китая, по моему мнению, необходимо считаться, так как правительство здесь слабо и далеко не всегда может справиться с чернью.

16. Настроения в России в начале Первой мировой войны

Из писем Великой княгини Ольги Александровны племянницам Татьяне Николаевне и Марии Николаевне, сентябрь-октябрь 1914 г.

Душка моя, Татьяна, дорогая!

Думаю о тебе много: имеешь ли ты известия от друзей... Вообще письма не доходят. Наши сестры и доктора совсем их не получают, а когда получают, оказывается, им пишут чуть ли не ежедневно. Много наших пациентов уехало, и первое время я скучала по ним... а теперь полюбила трех чудных подопечных... Один из них, потерявший ногу, служил в Сводном гвардейском батальоне в 1905-1907 годах и безумно рад был меня видеть и вспоминать со мной все места Гатчины, Царского Села, Елку и т.п. Он такой трогательный, и теперь одна из его грез – поехать в Петроград и увидеть Папа, «моего Батюшку», как он его зовет, притом сопровождает эти слова такой лучезарной улыбкой! Я его туда пошлю за ногой, и, когда он там будет, пожалуйста, навестите его, - я напишу, где он будет лежать!..

Здесь почти все одеты фантастическими сестрами, и меня сердят все эти дуры, пародирующие по улицам. Опять будет то же, что в ту войну было, когда дамы, которые хотели забавляться, одевались сестрами. В одно время даже гимназистки в коротких юбках ходили здесь в косынках, развевающихся за ними, и с красным крестом на рукаве!

Не знаю, получает ли Папа (вероятно нет) «Армейский вестник», издаваемый при штабе Ген. Иванова; очень хорошая маленькая газетка, и вот вчера я нашла одну вещь, над которой рыдала одна в своей комнате, – это письмо матери к сыну-офицеру на войне.

²⁵ Лавочку эту я посетил и лично видел, как бойко она торгует, причем цены действительно очень низкие...

Я перепишу для тебя: «Твой отец был убит далеко от нас за Ляояном, тебя я отдала святому делу, на защиту нашей милой родины от близкого и страшного врага. Помни, что ты – сын героя! Мое сердце сжимается и глаза плачут когда говорю тебе: «Будь его достоин!». Ведь я знаю роковой ужас этих слов и все-таки в муке за тебя повторяю их. Нас всех не будет, что наша жизнь? Это – капля в океане прекрасной России. Нас всех не будет, но пусть цветет и радуется она. Я знаю, мы будем забыты, наши счастливые потомки и не вспомнят тех, кто истлеет в братских могилах... Целуя и благословляя тебя, я простилась с тобою. Когда тебя пошлют на подвиг, не помни моих слез, помни только мое благословение... Да хранит тебя Бог, мой дорогой, светлый, любимый... еще одно: ВРАГИ, везде пишут это, ЗЛЫ И ДИКИ, НО НЕ ПОДДАВАЙСЯ СЛЕПОЙ МЕСТИ. НЕ ПОДЫМАЙ РУКУ НА ЛЕЖАЧЕГО И БУДЬ МИЛОСТИВ К ТЕМ, КОГО СУДЬБА ОТДАСТ В ТВОИ РУКИ».

Письмо это найдено на замученном сыне. «В диком и мстительном безумии, — говорит писатель, — остервеневшие немецкие варвары и убийцы успели, прежде чем прикончить его, замучить героя. Письмо, забрызганное кровью, – реликвия и пусть хранится в священных драгоценностях этой семьи».

Какой дикий ужас...

Крепко, нежно прижимаю к грудям всю душкинскую семью, начиная с Папà и кончая Алексием! God bless you, my darling!²⁶

Говорят, Папà завтра утром посетит нас! Солдаты сияют! Я тоже...

Твоя всегда т. Ольга

Здравствуй, моя толстая душка милая Мария!

...Мне ужасно жаль Олега²⁷ и его семьи... Но он славно умер, маленький Олег! В эти дни мы много работали, было около двухсот у нас новых раненых. Между ними было много казаков всяких, и терские, и кубанцы, и донские...Затем есть старый татарин... несколько грузин...

Вера Титова взяла себе перо, которым Папà расписался, когда был здесь у нас, а Вера Поммерг взяла стул, на котором его ж...а просидела две минутки, и она завязала розовый бант на спинке и ревниво охраняет от чужих прикосновений!.. Внизу под моей комнатой помещаются санитары, и в данный момент они вечерние молитвы поют и кончили гимном...

17. Новая экономическая политика в оценках современников

Из книги Н.С. Хрущева «Время. Люди. Власть».

Скажу несколько слов о нэпе. Я помню то время, когда после разрухи и голода вдруг ожили города, появились продукты, начали падать цены. Это было, конечно, отступление. Но оно помогло нам оправиться от последствий Гражданской войны, набраться сил. В этом проявилась мудрость В.И. Ленина, когда он в 1921 г. пошел на такой опасный, но неизбежный, необходимый, смелый, решительный и прозорливый шаг-переход к новой экономической политике. Новая экономическая политика - это, так сказать, общая формулировка, а по существу открывалась возможность для оживления частной собственности и оживления кулака, я уж не говорю о середняке. Поднялся торговый элемент и даже крепко стал на ноги.

В 1925 г. я столкнулся с нэпманами. Тогда были арендаторы, которые держали мельницы. Произошел такой анекдотичный случай: арендатором мельницы оказался человек, который отличился во времена Гражданской войны, был награжден орденом Красного Знамени...

На тему о нэпе, я помню, бывали частые споры среди партийных руководящих кадров и в волости, и в уезде. В уезд нас часто вызывали и обязательно, как говорили тогда (да и сейчас говорят), для накачки за то, что мало мы продаем хлеба через кооперацию, мало продаем мяса и других продуктов питания. Я как секретарь райкома почти каждый день ходил на базар и присматривался. Тогда лозунги были “Учиться торговать!” и “Кто кого?”. Мы через кооперацию должны были победить торговцев и торговлю взять в свои, государственные руки, но не путем административных мер, а путем лучшей кооперативной торговли. Мы стремились дешевле продавать, лучше обслуживать, иметь более качественный товар. Вот рычаги, которыми мы должны были овладеть.

Бывало, иду по базару, смотрю - наши кооперативные лотки торгуют, и частник рядом сидит. Мне всегда было больно смотреть, потому что больше толпилось людей у частных магазинов, а ведь это были рабочие и служащие, других на руднике не было. Почему так получалось? Мясо у нас было не хуже.

²⁶ Да благословит тебя Бог, моя дорогая! (англ.)

²⁷ Олег Константинович Романов – князь императорской крови, принимал участие в боевых действиях на Северо-Западном фронте и погиб в 21 год.

Частник брал за счет лучшей расфасовки, более внимательного отношения. К тому же хозяйка хочет выбрать, хочет немножко поковыряться, посмотреть то и другое, пощупать руками, вот торговец ее и обхаживал. Кроме того, частник уже имел своих постоянных покупателей, которым он давал в кредит, а это имело большое значение. Кооперативы этого не делали.

Бывало, я, обойдя базар, сейчас же направлял свои стопы в кооператив, в главный магазин, и там встречался со своим другом Ваней Косвинским. Он был председателем рабочего кооператива. Очень хороший товарищ, коммунист, отличился во время гражданской войны, воевал в тылу у белых, командовал бронепоездом. Бронепоезд был примитивный, рабочие сами сделали его в своих мастерских. Вот, помню, как только дверь открываю, он сразу: “Ну, что, идешь опять ругать?”. “Да, иду ругать”. - “Я сам уже ходил, сам смотрел. Что я могу сделать? Мы все делаем, что, казалось бы, нужно, а все-таки больше привлекают покупателя частные торговцы”.

Осенью буквально был уже завал товаров и сельскохозяйственных продуктов - овощей, арбузов, дынь и птицы. Дело в том, что Петрово-Марьинский район по тому времени был крайним юго-западным районом промышленной Юзовки. Это был уже, как говорится, край света угольных шахт. Дальше шахт тогда не было (теперь они и дальше шагнули, к Днепропетровску). Поэтому там жили крестьяне. Села были богатые, степные, хорошо обеспеченные землей. Там имелись села и с греческим населением, очень крупные. Греки были скотоводами. Они любили и помногу держали овец. Поэтому у них были баранина и брынза, крестьяне привозили на продажу гусей, уток и индеек. И все это задешево. Стандарт на цены у нас тогда сохранялся довоенный. До войны фунт мяса стоил в Юзовке и в окрестностях 15 копеек. 15 копеек стоило мясо и в 1925 г., и в 1926 году. До 1928 г. имелся избыток мяса.

Тут я несколько отклонился от темы, но это отклонение имеет к ней отношение. В Петрово-Марьинском районе тогда существовали две коммуны. Особенно хорошо работала коммуна в Максимилиановке, большом красивом селе. Там была и партийная организация, как тогда называли-ячейка. Председателем правления коммуны являлся Колос1), человек огромного роста, просто великан, своей комплекцией как бы соответствовавший фамилии. Он давно уже умер, да и тогда это был человек в летах. Очень порядочный, хороший коммунист, по профессии портной. Заместителем у него был замечательный крестьянин Емельян Гомля или, как его тогда называли украинцы, Емелька Гомля. Этот умный человек обладал исключительным чувством юмора. Бывало, когда он выступал и критиковал бюрократические налеты советских учреждений, так люди, как говорится, животы от смеха надрывали. Он часто бывал на партконференциях, на окружных съездах. Помню, однажды выступал он и критиковал руководителей округа за то, что они редко бывают на селе: “Что же вы? Вот мы просим, просим, чтобы к нам приезжали из округа, но им, видно, плохо село видно, потому что здесь много дыма (металлургический завод и шахты), и за этим дымом они нас не видят”. И другие тому подобные примеры он приводил.

Их коммуна хорошо жила. А это было не так часто в то время среди коммунаров. Большинство коммун имело потребительский характер, и жили они за счет подачек от государства, сами себя не прокармливали. А эта коммуна как раз жила на собственные средства. Там подобралась хорошие люди и хорошие организаторы. Они хорошо обрабатывали землю, честно работали. Трактора у них не было, да и я сам тогда о тракторе только слышал, что он есть на свете, а, как говорится, в глаза его не видел. Работали тогда главным образом на волах и лошадях. Обстановка политическая тогда была хорошая. Рабочие понимали лозунги партии, усвоили их, а ведь это болезненно было - новую экономическую политику проводить, и они правильно ее понимали.

18. Эвакуация и организация производства в Ульяновской обл. в начале Великой Отечественной войны

1) Из отчета секретаря Мелекесского горкома ВКП(б) Чуканова Куйбышевскому обкому партии о приеме эвакуированных 9 августа 1941 г.

Сов[ершенно] секретно Зав[едующему] сектором информации тов[арищу] Меркушеву.

Прием эвакуированных. Всего в гор[од] Мелекесс прибыло эвакуированных организованным порядком 1740 человек. Помимо этого, большое количество прибыло и неорганизованно к своим родственникам и знакомым. Всего эвакуированных таким образом прибыло в город не менее 3000 человек. Все эвакуированные размещены в порядке уплотнения по квартирам. Принимали и принимаем меры к устройству на работы. Всего устроено на работы 83 чел. и отправлено в колхозы 130 чел. Но всех устроить на работы в городе невозможно, а в колхоз многие не желают ехать. Отправленная часть эвакуированных в колхозы Мелекесского района возвращаются обратно в г. Мелекесс...

Помимо людей мы приняли в Мелекесс: А. Оборудование Высотянской льнопрядильной фабрики. Б. Трикотажная фабрика им. Клары Цеткин, для которой отведены три здания, в том числе клуб Льнокомбината. Сейчас идет монтаж прибывшего оборудования. В. Библиотека им. Салтыкова-Щедрина из Ленинграда в количестве 24 вагонов, под которую отведены помещения Дома учителя, Дома пионеров, один крупный магазин и часть общежития Учительского института. Г. Груз из Москвы в количестве шести вагонов, под который отведен Клуб мукомолов. Д. Развернули на базе городской больницы новый госпиталь. Кроме того, этому новому госпиталю дано ряд подсобных помещений: Дом культуры, Дом Райпотребсоюза и др. Перечислением вышеизложенного мы хотим показать, как уже загружен г[ород] Мелекесс, с одной стороны, а с другой стороны, нельзя обойти молчанием такой факт, что, как видно, в облизполкоме нет единого плана размещения и каждый отдел действует по-своему без увязки с общим планом. Вот пример: зав[едующий] облоно т[оварищ] Чепурнов информировал наркома просвещения о том, что библиотеку из Ленинграда можно разместить в Мелекесской политпросветшколе. На этой основе последняя сюда и была направлена. Тогда как здание Политпросветшколы давно уже занято госпиталем. Об этом облизполком и облздрав знают, но почему-то облоно не знало. Секретарь Мелекесского горкома ВКП(б) [подпись] Чуканов

2) *Из Протокола № 90 заседания бюро Мелекесского горкома ВКП(б) о ходе работ по восстановлению Трикотажной фабрики имени Клары Цеткин 24 [25 августа 1941 г.]*

Слушали: 5. О ходе работ по восстановлению Трикотажной фабрики имени Клары Цеткин (докл[адчик] директор фабрики т[оварищ] Аверин). Выступали: т[оварищи] Шумятер, Чуканов. Постановили: Заслушав доклад директора Чулочно-трикотажной фабрики имени Клары Цеткин т[оварища] Аверина о ходе работ по восстановлению фабрики, бюро горкома отмечает: 1. Из прибывшего оборудования 110 чулочных автоматов, 40 ластичных, 18 кетельных и 10 машин трикотажных МТ-1, одной крестомотальной машины системы МБТ подготовлены к пуску: 10 трикотажных машин, которые будут выпускать гладкое полотно при 3-сменной работе в сутки 511 кг, в переводе на готовую продукцию составляет 1022 пары белья. 26 августа будут подготовлены 40 чулочных автоматов, 10 ластичных и 2 кетельных машин, которые дадут в сутки 680 десятков пар мужских носков. 2. Для пуска вышеуказанного оборудования необходимо: а) электроэнергия 25–30 кВт; б) пряжа № 40/1, 40/2, 54/1, 34/1 и 60/1 в соответствующих количествах (в наличии же имеется пряжи 54/1 только 3,225 тонны); в) 20 швейных машин и 4 спецмашины (пуговичная, петельная, оверлок и распошивальня). Исходя из вышеизложенного, бюро горкома постановляет: 1. Обязать директора фабрики т[оварища] Аверина и секретаря партбюро т[оварища] Шумятер всемерно усилить монтаж и восстановление имеющегося оборудования, закончив эту работу в 2-дневный срок, и не позднее 28 августа пустить имеющееся оборудование. 2. Предложить партгруппе горисполкома не позднее 26 августа 1941 г. обеспечить фабрику электроэнергией, а также к 1 сентября освободить и передать фабрике намеченное помещение (артель Чапаева). 3. Предложить директору фабрики к 1 сентября подготовить вопрос о проводке водопровода и канализации для крашения изделий, а партгруппе горисполкома оказать в этом необходимую помощь. 4. Поддержать предложение руководства фабрики об организации в Мелекессе вполне законченного процесса производства на базе предоставленных фабрике помещений (крашение и пошив). Просить Главное управление трикотажной промышленности и Союзный НКЛП ускорить обеспечение фабрики необходимой пряжей, а также укомплектовать фабрику оборудованием (с фабрик: «КИМ», «Р. Люксембург», «Бальцер» и «Сызрань») для законченного процесса производства, кроме этого, ускорить отправку необходимых запчастей и подсобных материалов (иглы, платины, красители, электропровод и др.). 5. В связи с пуском фабрики (250–300 человек рабочих, ИТР и служащих) предложить председателю горисполкома т[оварищу] Калмыкову подобрать и выделить соответствующее помещение под столовую. Срок исполнения 10 сентября. Одновременно горисполкому обеспечить рабочих, ИТР и служащих необходимыми промтоварами. Секретарь Мелекесского горкома ВКП(б) [подпись] Чуканов

3) *Из отчета секретаря Ульяновского горкома ВКП(б) Гребеня В. К. Куйбышевскому обкому партии о размещении в г. Ульяновске эвакуированных предприятий 11 августа 1941 г. Секретно*

В Ульяновск по случаю военных действий эвакуирована трикотажная фабрика «КИМ». В город прибыло полностью все оборудование и до 300 человек квалифицированных рабочих-трикотажников. Горсовет для размещения фабрики выделил помещение. Сейчас идут монтажные работы, установка станков и оборудования. В конце августа фабрика вступит в список действующих предприятий. Фабрика может давать в сутки до 11 тысяч единиц трикотажных изделий, однако сырья для производства не имеется. Руководству фабрики и руководящим организациям города общими силами нужно немедленно

поставить вопрос о снабжении фабрики сырьем перед областными организациями и Наркоматом, с тем чтобы обеспечить нормальную работу фабрики. Из Киева эвакуирован Завод по производству контрольно-измерительных приборов. Завод размещается в помещениях ликеро-водочного завода. Завод будет изготавливать контрольно-измерительные приборы для нужд обороны. Оказание помощи в размещении на работу прибывших по эвакуации из западных областей Отделом кадров горкома ВКП(б) направлены на работу 61 ч[еловек] из числа членов и кандидатов ВКП(б). Отделом кадров исполкома городского Совета депутатов трудящихся направлены в предприятия и учреждения города 462 человека. Коммунистов из числа эвакуированных, не получивших работы, на сегодня нет, те, которые не успели получить работу, выехали на уборочную в колхозы. О фонде обороны По всем предприятиям и организациям города, по сведению на 8 августа, проведены собрания об организации Фонда обороны. В большинстве из них приняты решения отчислять однодневный заработок до окончания войны. Секретарь Ульяновского горкома ВКП(б) [подпись] Гребень

19. Полет Юрия Гагарина в космос в восприятии современников

По воспоминаниям советских людей

1). «В этот день везде были включены радиоприемники. Во всех помещениях всех организаций и на улице, естественно. Мне тогда был 21 год, я находилась в декрете по уходу за сыном и узнала об этом событии по радио. Но мне подруги рассказывали и муж, что на предприятиях перед каждой сменой была планерка, где руководство рассказывало сотрудникам, что советский космонавт первым покорил космос. Говорили, что год назад Белка со Стрелкой летали, а теперь вот человек. И не просто человек, а наш соотечественник, товарищ, как тогда говорили. Это была радость такая, восторг и удивление одновременно. В те годы это был огромный прорыв. Гагарин был любимым учеником Королева, это я как сейчас помню. А потом все собирались небольшими группами и шли гулять по городу, поздравляли друг друга, на Театральную площадь шли».

2). «Я тогда работала в штабе Тихоокеанского военно-морского флота в п. Фокино заведующей секретным деломпроизводством. Помню, что в тот день была объявлена повышенная боевая готовность. Сначала мы узнали о том, что Гагарин в космосе от офицеров. Да и они громко об этом не говорили, а просто перешептывались между собой. Тогда и услышали.

Когда мы шли с девчонками в столовую, новости о Гагарине передавали по радио «Человек в космосе!». Люди столпились у репродукторов на улице, слушали голос Юрия Левитана, радовались, кричали: «Ура!». Причем, по радио эту новость сообщили примерно спустя два часа, как мы уже знали об этом.

Потом у нас было собрание. На нем еще раз рассказали о подвиге Юрии Гагарине, его биографию.

Конечно, нас переполняла в первую очередь гордость. Ведь наш советский человек первым в мире вышел в космос. А тогда ведь еще была холодная война с США. Мы между собой уже говорили и ликовали от того, что утерли нос американцам».

3) «Это был очень жаркий день на Украине. Мы ходили все уже в летних платьях. Услышали про Гагарина по радио. По-моему, Левитан сообщение делал, торжественным таким голосом, о том, что первый человек побывал в космосе, и это — гражданин СССР Юрий Гагарин, полет прошел успешно.

Я очень хорошо помню чувства неподдельной радости и гордости за страну. Они всех переполняли, все радовались, прыгали, у нас в городе даже митинг был. Это было действительно счастье, настоящий праздник.

Гагарин стал настоящим нашим героем. Мы знали его биографию наизусть. У него были две дочки, и все девочки у нас им завидовали. У них ведь папа — космонавт!

И, конечно, все хотели стать космонавтами. Все играли в космонавтов. У нас в огороде были веревочные качели, и мы с подружкой Таней на них готовились в космонавты. Одна из нас садилась, вторая заворачивала канаты так, что люлька под самый верх поднималась, а потом резко отпускала. Канаты очень быстро раскручивались, и такой визг стоял!»

4) «В 1961 году я учился во втором классе в юрьянской школе Кировской области. И вот 12 апреля Левитан по радио объявил, что человек впервые полетел в космос. Я тогда дома был, мы с бабушкой вместе радио слушали и даже не поверили сначала. Радио тогда в деревне не у всех было, и те, у кого оно было, выходили на улицу, чтобы остальным эту новость сообщить. Праздник был, люди в гостях друг у друга собирались, отмечали первый полет. Помню, радовались мы страшно, эйфория была. Все мальчишки разом захотели стать космонавтами».

5). «Мне было 23 года, я жила в Кирове, училась на 5-ом курсе института и была на практике в халтуринской средней школе. О полете в космос заранее не передавали. Но как только запустили ракету, по всей стране включили динамики. Наш директор тоже включил динамик, диктор все время информировал о состоянии космонавта и том, как все проходит: «Состояние космонавта нормальное». Трансляция шла до самой посадки. Я почувствовала гордость за страну, радость. И вокруг все радовалось, ликовали - и ученики, и учителя. Народ на улице останавливался, разинув рот, слушал радио – чудо какое свершилось. Было ощущение, что произошло что-то очень глобальное – наша страна первая запустила человека в космос. Мы переживали за него: опустится ли аппарат на землю, не погибнет ли космонавт. Никаких особых торжеств в Кирове не было, это был просто счастливый, радостный день. Я помню, погода была хорошая, солнце светило, и было тепло».

20. Политика гласности и деятельность КГБ в конце 1980-х гг.

Письмо Председателя КГБ В.М. Чебрикова в ЦК КПСС, 03.06.1988

В Комитет государственной безопасности СССР и его органы на местах поступают письма редакций газет, журналов, творческих союзов, киностудий, научных учреждений и других организаций, а также отдельных граждан с просьбами о предоставлении возможности ознакомиться с материалами архивных уголовных дел на репрессированных в 30-40-х и начале 50-х годов. (До 1962 года из числа репрессированных было реабилитировано 1197847 человек. В 1962-1983 годах – 157055 человек, рассмотрение обращений граждан о реабилитации продолжается). Комитету госбезопасности в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 10 августа 1979 года № 769-236 предоставлено право хранить постоянно оперативные материалы, относящиеся к деятельности КГБ СССР, его органов и войск, и определять порядок их учета, хранения и использования. В архиве постоянно хранятся и расследованные органами государственной безопасности уголовные дела. Запросы о предоставлении архивных материалов рассматриваются в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств. Редакциям газет и журналов, киностудиям, научным учреждениям и другим организациям оказывается необходимое содействие в предоставлении иллюстративного материала, в уточнении биографических и других данных на тех или иных лиц. Такое содействие, в частности, было оказано Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Музею В.И. Ленина, Политиздату, издательству «Советская энциклопедия», Агентству печати «Новости», редакциям газет «Правда» и «Комсомольская правда», еженедельника «Новое время», журнала «Человек и закон», Союзам писателей СССР и РСФСР, киностудиям им. М. Горького, Рижской, Ленфильм. Заявления реабилитированных и их родственников, касающиеся удовлетворения личных прав, внимательно рассматриваются. В установленном порядке возмещается стоимость конфискованного имущества реабилитированных граждан, выдаются справки о трудовом стаже, составе семьи, сообщаются биографические данные и адреса проживания, возвращаются личные документы, рукописи, частные письма и фотографии, изъятые при аресте. Вместе с тем при решении вопроса об ознакомлении с архивными материалами нами принимается во внимание следующее. Открытое опубликование сведений по материалам архивных дел на реабилитированных, цитирование отдельных документов из них может создавать негативное представление о личности самих реабилитированных лишь только потому, что они в период следствия и в суде оговорили себя и других лиц, разделивших их участь. Те или иные факты, став широко известными, могут вызвать новые обращения граждан, в том числе с требованием привлечь к уголовной ответственности должностных лиц, причастных к расследованию и рассмотрению в суде какого-либо дела, и проходивших по делу свидетелей, многие из которых живы и не могут быть признаны виновными. Со стороны родственников осужденных не исключаются акты мести, вандализма, национальной вражды и др. Имеется в виду и то, что многие сотрудники НКВД, причастные к расследованию уголовных дел, в свою очередь были репрессированы, в частности, по сфабрикованному делу о так называемом «заговоре в органах и войсках НКВД». В 1934-1940 годах было репрессировано более 20 тыс. сотрудников. Кроме того, ограничение доступа к секретным архивам органов госбезопасности диктуется необходимостью противодействовать соответствующим устремлениям спецслужб противника, зарубежных подрывных центров, а также антисоветских элементов внутри страны. Что касается просьб отдельных граждан об ознакомлении с материалами архивных уголовных дел, то органами госбезопасности с учетом упомянутых выше обстоятельств негативного характера и возможности расшифровки негласных оперативных мер они не удовлетворяются. Относительно мест захоронения расстрелянных, заявители уведомляются об отсутствии интересующих их сведений, так как в органах КГБ данных о местах захоронения

конкретных лиц не имеется. В связи с изложенным представляется целесообразным сохранить сложившуюся практику использования архивов органов госбезопасности. Возможность открытого опубликования архивных материалов рассматривать отдельно в каждом конкретном случае. Особое внимание уделять обращениям советских граждан, разрешению содержащихся в них вопросов социально-правового характера, осуществлять постоянный контроль за этим важным участком работы. Просим согласия. Председатель Комитета В. Чебриков